

4. Воспоминания великой княгини Марии Павловны. М. : Захаров, 2004. 511 с.
5. Дневник вел. кн. Сергея Александровича // ГАРФ. Ф. 648. Оп. 1. Д. 32.
6. Дневниковая запись Е. А. Шнейдер в Ильинском // ГАРФ. 1887. Ф. 1115. Оп. 1. Д. 7.
7. Император Николай II // ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 1340.
8. Император Александр III и императрица Мария Федоровна : переписка, 1884—1894 годы. М. : Рус. слово, 2005. 352 с.
9. Переписка цесар. Николая Александровича от 22 сентября 1887, Ильинское // ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 1340.
10. Степанов М. Воспоминания об Ильинском // ГАРФ. Ф. 1115. Оп. 1. Д. 7.
11. Степанов М. Село Ильинское : ист. очерк. М. : Синод. тип., 1900. 304 с.
12. Юсуфов Ф. Мемуары. М. : Захаров, 2004. 432 с.

ББК 60.561.51

Н. В. Досина, Я. О. Смирнов

ВОСПРОИЗВОДСТВЕННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ СЕМЬИ В КОНТЕКСТЕ ПРОНАТАЛИСТСКОЙ СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ

Проблемы эффективного включения семьи в сферу демографической политики государства неоднократно поднимались в рамках как теоретических, так и прикладных исследований. Основной практический вопрос заключается при этом в видении комплекса и соотношения факторов, под воздействием которых происходит интеграция семьи в новый режим социальных, экономических, политических отношений. В первую очередь важно иметь в виду соотношение экзогенных (внешних) и эндогенных (внутрисемейных) факторов. Экзогенные факторы обусловлены внешними тенденциями социальных изменений, выражающих давление, принуждение; они характеризуют изменение семьи под воздействием жестких экономических, социальных, политических тенденций (средний уровень дохода, заработной платы, жилищной обеспеченности и др.). Эндогенные же факторы обнаруживают потенциальные возможности, заключенные в самом явлении, они характеризуют изменение представлений членов семьи под воздействием коммуникационных, психологических, религиозных или культурных процессов (мнение «значимых других», друзей и знакомых, уровень образованности, религиозности, ценностная ориентация и др.).

Вопрос о роли экзогенных и эндогенных факторов в функционировании и развитии семьи, в принятии ответственных решений (продолжение рода, планируемое количество детей, оптимальный возраст их рождения и др.) является одним из самых сложных в современной социологии. Ведущие российские

специалисты, на основе общероссийских и международных исследований, выступают с различными рекомендациями по проведению эффективных пронаталистских мер социально-демографической политики, ориентирующих на оптимальный учет экзогенных факторов. Н. М. Римашевская акцентирует внимание на необходимости ликвидации бедности и укрепления здоровья семьи (физического, эмоционального, духовного), особенно молодой. В Институте социально-экономических проблем народонаселения РАН изучаются вопросы бедности и здоровья семьи, анализируется роль качественных характеристик человеческой популяции. Исследования Н. М. Римашевской показывают, что человеческий потенциал в России имеет нисходящую тенденцию: если в 1990 г. Россия занимала 26-е место в ранжированном ряду 120 стран, то в 2002 г. — только 57-е (см.: [3, с. 13, 14]).

По мнению Б. С. Хорева, на базе современной рыночной экономики, нацеленной на перманентное стремление родителей к получению дохода или прибыли, нельзя создать соответствующих условий для повышения рождаемости [1, с. 515—516]. Не исключая возможности ужесточения некоторых административных мер (запрет на аборт, введение общероссийского налога на бездетность или малодетность) и обосновывая эндогенный подход к демографической политике, он показал значимость дополнительного пути выхода из демографического кризиса — внеэкономического, ценностного стимулирования воспроизводственной функции семьи.

Мнение Б. С. Хорева о приоритетности социокультурных факторов в стимулировании рождаемости и реализации воспроизводственной функции семьи поддерживает А. И. Антонов. Он полагает, что некоторые демографы склонны преувеличивать значение фактора материального положения и уровня жизни семьи для повышения рождаемости. Экономическим стимулированием можно снять существующие финансовые ограничения потребности в детях (недостаток жилья, маленькие доходы, плохие бытовые условия), но не решить проблему реализации воспроизводственного потенциала семьи полностью — в систему мер демографической политики должны входить меры внеэкономического стимулирования рождаемости [2, с. 93—103].

Мы решили включиться в существующий научный дискурс о факторном развитии социально-демографических процессов в современной России, дополнив его данными прикладного социологического исследования в Ярославской области. На базе Научного центра гендерных исследований при Ярославском государственном университете им. П. Г. Демидова летом 2010 г. нами было проведено социологическое исследование по проблеме «Социальные нормы детности и специфика их реализации в социальных группах ярославской молодежи». Выборка составила 620 человек — жителей г. Ярославля и Ярославской области, ранжированных по различным основаниям (пол, возраст, наличие детей, брачное состояние, условия проживания и т. д.), выборка респондентов была квотной. Цель исследования состояла в анализе совокупности факторов реализации воспроизводственной функции и воспроизводственного потенциала семьи.

Изначально было решено определиться, насколько осведомлены ярославские респонденты о тех возможностях реализации воспроизводственного по-

тенциала собственной семьи, которые предоставляют им государственные и муниципальные органы власти. Вне зависимости от пола и наличия или отсутствия детей 67 % респондентов источником получения информации о мерах семейной и демографической политики называют телевидение и радио — средства, которые, по нашему мнению, являются лишь инструментом донесения информации о новых мерах демографической политики, но не раскрывают этих мер [5]. Это позволяет предположить, что информированность респондентов о мерах социально-демографической политики невысока, в основном только материнский (семейный) капитал выступает предметом обсуждения на ТВ и радио, но и его роль в повестке дня постепенно снижается. Единственным официальным источником информации о мерах демографической политики являются, на наш взгляд, печатные источники — газеты, в том числе «Российская газета». Однако к таким источникам прибегают только 13 % респондентов. Интернетом как источником информации пользуется еще меньше респондентов — чуть более 5 %. Кроме того, многие осознают, что зачастую просматривают в Интернете заведомо неточную информацию о принятых мерах и очень ограниченную — о самой демографической политике.

Ситуация с использованием средств массовой информации предопределила информированность респондентов о мерах социально-демографической политики. По результатам исследования, 33 % респондентов полностью согласились с утверждением «Я всецело информирован о проводимой демографической политике и ее мерах», еще 30 % — частично согласились. Таким образом, 63 % респондентов считают, что в какой-то мере информированы о мерах демографической политики, в то время как конкретные меры демографической политики смогли назвать лишь 40 %, по большей части сославшись на сведения о материнском (семейном) капитале. Еще 24 % респондентов указали «жилищные субсидии» и ипотеку как конкретные меры демографической политики. Иные меры известны не более 8 % ярославских респондентов.

Не удивительно, что слабая информированность о мерах социально-демографической политики сочетается со слабым знанием задач такой политики. Респондентам был задан вопрос «Какие задачи призвана решать социально-демографическая политика?»; он был задан в закрытой форме, т. к. основной перечень задач представлен в Концепции демографического развития Ярославской области и выражен в анкете в виде переменных. Распределение ответов позволило судить о степени осведомленности респондентов. Ими называется в среднем до 40 % всех задач социально-демографической политики, современные молодые люди по преимуществу не осведомлены обо всех возможностях реализации воспроизводственного потенциала собственной семьи. Этот вывод закрепляется анализом выбора респондентами вариантов ответа, в большинстве своем оценивающих государственные меры материального поощрения рождаемости (74—77 %), а не нематериальные меры.

Исследование показало, что сегодня существует значительный разрыв между субъективными устремлениями граждан и реальными возможностями получения полной и достоверной информации о современной социально-демографической или семейной политике. Очевидно, что эффективность самой политики в ее пронаталистском варианте во многом будет зависеть от ка-

чества реализуемой в ее рамках информации. Подготовка и распространение такой информации требует от органов власти дополнительных усилий. Они должны быть направлены прежде всего на концентрацию и централизацию необходимой информации в виде единого электронного реестра государственных и муниципальных мер социальной поддержки населения, обеспечения его социальных, правовых, экономических гарантий. Реестр государственных и муниципальных услуг должен быть доступен гражданам как в сети Интернет, так и в локальных сетях государственных и муниципальных служб (соцбес, соцстрах, пенсионные фонды, органы власти и др.) [4], где каждый гражданин, введя необходимые конкретизирующие данные в систему о себе или своей семье, количестве детей, может получить исчерпывающий список доступных мер социальных гарантий и мер поддержки, а также информацию об их практической реализации.

Современная социально-демографическая политика в рамках развития гражданского общества и правового государства не может существовать в отрыве от полноценной социальной и экономической политики, политических трансформаций, обеспечивающих эффективное поступление сигналов с уровня семьи и личности на уровень общества и государства. Как влияют эти трансформации на развитие потребности семьи в детях — один из сложнейших вопросов в современной социологии. В данном случае потребность в детях — это, по сути, усвоенные индивидом в процессе всех трансформаций, в процессе социализации нормы детности. Трансформация семейных отношений в XIX — начале XXI в., вызванная самыми различными причинами (снижение экономической потребности семьи в детях, эмансипированность женщин-матерей, модернизационные процессы развития сферы услуг и др.), выразилась в разрушении социальных норм многодетности и распространении норм малодетности. Норма детности в советское время в России формировалась под влиянием «контракта работающей матери», распространенного в обществе мнения об обязанности каждой женщины активно трудиться и иметь достаточно большую (желательно многодетную) семью. В настоящее время регуляция деторождения с помощью социальных норм не предполагает создания широкого набора правил, направленного на все жизненные случаи. Каждая семья вправе самостоятельно выбирать модель и планировать количество и периодичность рождения детей.

В рамках нашего исследования потребность в детях была определена на основе методологии социокультурного подхода [2] — через переменные ожидаемого, планируемого и желаемого количества детей, отраженные в анкетах. В первую очередь была проанализирована взаимосвязь потребности в детях и ценностной ориентации респондента в выборке. С помощью факторного анализа большое число переменных-ценностей, относящихся к имеющимся наблюдениям, было сведено к меньшему количеству независимых влияющих величин — факторов. В один фактор при этом были объединены переменные-ценности, сильно коррелирующие между собой, что дало возможность обозначить названия факторов. Респондентам предлагалось высказаться о значимости для них различных ценностей при принятии решения о количестве детей в семье (от абсолютно значимых до абсолютно не значимых).

В результате анализа полученных ответов были выявлены четыре фактора, объясняющие в общей сложности 70 % дисперсии. Во-первых, религиозные ценности (любовь к ближнему, любовь к Богу, Божественная мудрость, вера в Бога и др.), получившие наибольшую поддержку опрашиваемых (28 % дисперсии без вращения). Во-вторых, традиционные семейные ценности (дети, зарегистрированный брак, материнство, отцовство и др. — 18 %). В-третьих, ценности гендерного равноправия или ответственного родительства (взаимовыручка, совместное решение, семья, взаимопонимание и др. — 13 %). В-четвертых, ценности идеологического характера (либерально-демократические ценности — 11 %).

Исследование выявило значимую статистическую связь всех четырех факторов с репродуктивными намерениями респондентов; анализ полученных социологических данных показал, что ранговая корреляция по Спирмену находится в пределах, больших 0,7. Значимость различий между социальными группами с разной потребностью в детях в отношении четырех факторов оказалась довольно высокой: r находится в пределах 0,2—0,3. Для анализа различий использовался тест Колмогорова — Смирнова, т. к., в частности, количество категорий для тестируемых переменных было ограниченным. В итоге анализа оказалось, что наибольшее стремление к рождению детей демонстрируют респонденты с религиозными взглядами, а также те граждане, которые, стремясь к воплощению в своей семье идей справедливости и равноправия, принимают идеологию гендерного равноправия в семье, или сознательного родительства (коэффициент корреляции = 0,9; $p = 0,05$); затем следует группа респондентов, ориентирующаяся на традиционные семейные ценности (коэффициент корреляции = 0,6; $p = 5\%$). Респонденты, ориентированные на либеральные ценности, при принятии решения о рождении детей «показали» обратную корреляцию с потребностью в детях (коэффициент корреляции = $-0,5$ или $0,5$ по модулю; $p = 5\%$).

Результаты факторного анализа выявили также различия в оценке респондентами изменений в жизни семьи как последствий рождения в ней первого, второго и последующих детей: большинство респондентов ожидает, что рождение ребенка может ухудшить их материальное положение. Разница между четырьмя группами заключается в оценке степени этого ухудшения. Для респондентов с решающим выбором религиозных и традиционных ценностей ухудшение материального благосостояния не представляется глубоким — в отличие от остальных респондентов. Можно предположить, что религиозность респондента сопровождается формированием потребности в детях, стремления сознательно и совместно воспитывать детей. Приверженность традиционным семейным ценностям также способна ориентировать на многодетную семью. Но либерализация семейной жизни способна, как оказалось, привести к снижению потребности в детях у семейных партнеров. Значит, в случае дальнейшей либерализации общественных и семейных отношений, распространения незарегистрированных браков возможно и широкое распространение семейных союзов с низким уровнем детности. Опасность развития именно таких тенденций в современной России, по нашему мнению, высока. Поэтому желательно «направлять» такую тенденцию в русло скандинавского сценария, в рамках которого «уход» от традиционных семейных ценностей был обращен в направлении совместного сознательного родительства, дуального родительства. Это, как

показывает жизненный опыт, нивелировало негативные последствия снижения уровня потребности семьи в детях, но одновременно увеличило возраст вступающих в семейный союз и возрастной период рождения первого ребенка.

Некоторые результаты проведенного исследования оказались несколько неожиданными. Например, мнение женщин, склонных к рождению и воспитанию нескольких детей и в то же время совершенно нейтрально относящихся к традиционным семейным ценностям (превалирующая роль мужчины в семье, связи с родственниками и др.). Это может быть объяснено довольно сильным ощущением молодыми женщинами собственных карьерных возможностей и самостоятельности [6]. Неожиданным оказалось и то, что среди граждан, не намеренных обзаводиться полной семьей, около половины (48 %) предполагают, что это существенно не повлияет на их эмоциональное состояние (правда, выборка в данном случае составила всего лишь 30 человек), и еще 20 % усомнились в том, что отсутствие детей в семье негативно скажется на их общем самочувствии. Однако в целом ярославское исследование репродуктивных намерений различных групп российской молодежи показало, что большинство респондентов позитивно оценивают предстоящие изменения своего эмоционального состояния после рождения ребенка.

Что касается материального фактора, то, начиная исследование, мы предполагали, что фактор материальной обеспеченности семьи является значительным при принятии решения о рождении ребенка (детей). При проверке этой гипотезы оказалось, что она подтверждается лишь частично. В представлениях респондентов семья обязательно должна быть полной и практически все дети должны быть рождены в ближайшие годы (такие ответы дают до половины респондентов, не имеющих детей, до трети — уже имеющих детей). Это намерение принадлежит в основном молодым людям от 23 до 27 лет. По нашему мнению, государству следует учитывать существующее сегодня намерение молодых российских граждан реализовать воспроизводственный потенциал в первые годы супружеской жизни. Такой «репродуктивный энтузиазм» во многом связан с карьерными соображениями и особенностями российского трудового законодательства. Например, в условиях современного развития рынка труда в России едва ли возможно ожидать совмещения материнства и занятости, поэтому женщины стремятся ускоренно реализовать свои репродуктивные планы (которые часто ограничиваются одним-двумя детьми).

Исследование показало, что «экономическая ценность» детей не играет такой уж большой роли. Молодым людям ясно, что появление ребенка в семье не сулит серьезных экономических выгод родителям, предоставляемые государством льготы и меры социальной помощи несопоставимы с затратами семьи на содержание детей и ответственностью перед обществом. Поэтому желание воспользоваться реализуемыми в настоящее время услугами государства по оказанию помощи родителям малолетних детей не является опережающим. Скорее всего, молодые люди будут стремиться реализовать воспроизводственный потенциал своей семьи, если у них будет достаточно зрелое представление о полной семье.

В ярославской выборке менее половины респондентов отозвались о материальной поддержке родственниками процессов воспитания детей в их семье как о весомой: 45 % респондентов подчеркнули, что помощь родственников и

родителей — значимый источник доходов семей молодых ярославцев; 40 % довольно «вяло» высказались о необходимости роста заработной платы, не надеясь, очевидно, на последовательное официальное решение этого вопроса; 15 % респондентов отметили значимость своих собственных заработков. Хотя необходимо заметить, что подавляющее большинство молодых людей считают свое материальное положение вполне приемлемым для того, чтобы содержать семью: около 75 % опрошенных показали, что им хватает денег для собственных и семейных нужд. Около 15 % респондентов ответили, что постоянно или периодически находятся за чертой бедности.

Нами делались многочисленные попытки выйти на рекомендации, направленные на совершенствование современной российской пронаталистской социально-демографической политики. Необходимо расширить систему мер социально-демографической политики, основанной на целом комплексе не только экзогенных, но и эндогенных факторов принятия гражданами репродуктивных решений. Это связано с тем, что и экзогенные, и эндогенные факторы вместе выступают как движущие силы или причины, которые лежат в основе реализации воспроизводственного потенциала. Сама семья, ее социальные функции развиваются также под влиянием различных социальных, экономических, социокультурных, политических факторов. Как показало исследование, именно социокультурные факторы способствуют не только реализации воспроизводственного потенциала семьи (выравнивание идеального и реального количества детей в ответах респондентов), но и увеличению самого потенциала (увеличение количества желаемых детей). В данном случае социокультурные факторы — это единство социальных и культурных факторов реализации воспроизводственного потенциала семьи, приверженность респондентов определенным ценностям, наличие в семье необходимых традиций, уровень религиозности ее членов, уровень конфликтности в семейных отношениях, степень поддержки репродуктивных намерений со стороны ближайших родственников и «значимых других».

Библиографический список

1. *Алисов Н. В., Хореев Б. С.* Экономическая и социальная география мира : (общий обзор). М. : Гардарики, 2003. 704 с.
2. *Антонов А. И., Медков В. М., Архангельский В. Н.* Демографические процессы в России XXI века / под ред. А. И. Антонова. М. : Грааль, 2002. 168 с.
3. *Переведенцев В. И.* Демография: десять провальных лет // Новое время. 2004. № 49. С. 12—14.
4. *Смирнов Я. О.* Проблемы государственной политики в отношении людей старшего поколения // Социально-гуманитарные знания. 2008. № 11. С. 310—313.
5. *Смирнов Я. О., Досина Н. В.* Демографическая политика в гендерном контексте // Вестн. Яросл. гос. ун-та им. П. Г. Демидова. Сер. : Гуманитарные науки. 2009. № 1. С. 69—76.
6. *Смирнов Я. О., Досина Н. В.* Семейная власть как источник насилия : (проблема контроля и преодоления в социальной политике) // Власть. 2009. № 12. С. 116—118.